

Рецензия на статью
**С.К. Рыбаков «Аскетика как
маршрутная карта жизненного пути»**

© 2019 Л.В. Немцев

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры
философии и филологии Самарского государственного
института культуры*

Статья С.К. Рыбакова (с.79 – 84) посвящена нескольким философским и культурологическим проблемам. Это проблема хронотопа (как определение ориентации субъекта во времени и пространстве), проблема жизненного пути и проблема мировоззренческого «компаса», в качестве которого предлагается аскетика – и как раздел православного богословия, помогающий в осуществлении христианского подвижничества, и как универсальный философский принцип.

Актуальность данной статьи не вызывает сомнений в связи с тем, что в решении многих задач современной культуры не только забыта телеологическая установка на осуществление жизненного пути, но и утрачено само понимание Пути как онтологического принципа. В статье предлагается ответ на вопрос, как сохранять равновесие в телеологической практике, направленной на развитие личности (анабазис). Причём развитие личности подразумевает существование посмертного опыта, о чём в данной статье не говорится прямо, автор переходит к вопросу об аскетике как способе правильной направленности пути и умалчивает о его цели.

Из опыта современного человека никуда не делись понятие стагнации, представление о цикличности действий (дурная бесконечность), но представление о смерти перестало укладываться в логическую и ритуальную схему. Такая картина досталась нам в наследство от Просвещения – эпохи «победы» Разума. Рассудочный подход к философскому процессу позволил предположить, что всё, что не поддаётся осмыслению в существующих на тот момент категориях, подлежит утилизации как злоторное и безжизненное. Борьба с сумасшествием и сумасшедшими, описанная в книге М. Фуко «История безумия в классическую эпоху» [1], – это только один из параметров узаконенной агрессии, диктатуры разума. Но оставаясь не решенной или неудовлетворительно решенной, проблема смерти приходит в искусство в виде призраков, легенд и домыслов. Можно говорить, что готические романы порождены не самим страхом смерти, а страхом перед смертью как онтологической проблемой. Смерть

напрямую связана с телеологией человеческого бытия, именно разговор о цели пути обычно приобретает вид усложненного таинства или недоговоренности.

В рамки статьи не входит освещение культурно-исторического процесса, который привел к современной ситуации «эпох» (задержки в развитии) и сопутствующих ей явлений релятивизма, примитивизации Пути и культурного катабазиса (нисхождения). Но тем актуальнее становится выбранный С.К. Рыбаковым способ разработки проблемы: это стремление увлечь постоянно открытой возможностью «познать себя» вместо того, чтобы слишком укореняться в констатации сложившегося положения вещей. Но и сам выбранный ракурс работы позволяет описать культурологическую проблему в новом качественном ключе. Поскольку путь становится виден только с первыми сделанными шагами, постольку и ситуация неподвижности или хождения кругами открывается только по мере удаления от нее, возвышения над ней.

Феномен общекультурной революции, начатой просветителями, привел к тому, что практическая философия, практическая религия, практическое искусство перестали влиять на существование человека, перестали им учитываться, тогда как история философии, история религии и история искусства активно изучаются и включены в политическую и экономическую составляющие бытия современного человека. Нет сомнения, что «практический» и «исторический» параметры различные и даже разнополярные. Искусство в меру своей технической оснащённости (а это касается и возможностей творческого воображения) описывает не идею смерти, а панику перед вопросом о ней. Эта паника имеет вид страха перед конечностью жизни, потом порождает воскресших мертвецов, а постепенно превращается в тему апокалиптической катастрофы, которая страшно далека от новозаветного Откровения и мало пересекается с христианскими догматами.

В связи с этим автор рассматривает категорию «пути» через призму религиозного и культурологического опыта, сравнивая высказывания Христа, Будды и Лао-цзы, а также привлекая для развития своей мысли образ путешествия. Неверной интенцией назван опыт Одиссея, который покинул дом в поисках «славы великих побед». Прекрасный анализ странствия Одиссея дан в книге В. Михайлина [2], из которой можно сделать вывод, что участники Троянской войны тоже не могли выбрать свой путь, это путь военной аскетики, направленной на возвращение счастья (фарна) в их родной дом, при этом Одиссей с его

«хитрой» и «волчьей» (периферийной) природой не может быть человеком центра (тогда как С.К. Рыбаков рассматривает, в основном, не опыт воинов, а опыт мудрецов).

К представлениям об аскетике можно добавить опыт древних греков, который связан, во-первых, с мифом о Геркулесе, все подвиги которого описывают мистерию обуздания страха / гнева, что в итоге приводит его к недолгому отшельническому существованию в местечке, которое с тех пор носит название Монако (то есть «живущий в одиночестве») и где был воздвигнут самый почитаемый храм Геркулеса, в котором продолжала развитие монашеская практика, повлиявшая на христианство. Другой пример – опыт Диогена, чья философия кинизма наделена чертами аскетики. В древнегреческой традиции аскетика напрямую связана с жизненной стратегией двух первых страт – мудрецов-правителей и воинов – и базируется на понятии «аутократия», которое получалось в переводах, как «самообладание», «самопознание» и даже «самостоянье» у А.С. Пушкина [3].

С.К. Рыбаков формулирует удачные тезисы, которые позволяют использовать и включить аскетику в поле универсальных культурологических категорий. Интересно проведено противопоставление духовного путешествия и туризма, а также применена мысль М. Мамардашвили о том, что наш подлинный образ находится «далеко» от нас.

В сущности, речь может идти о необходимости путешествия как выхода из эгоистического плена в поисках подлинного человеческого образа. Одно из пониманий аскетики можно передать так: чтобы начать слышать подсказки, надо перестать слушать только себя. Наше Эго – это фараон, который не путешествует, а завоевывает новые земли, аскетика в этом смысле – это возможность оставить то, что мы привыкли воспринимать как свой военный лагерь, ради подлинного общечеловеческого центра.

Автором проведен глубокий анализ возможности применения аскетики с её большим историческим и богословским базисом в сфере активных культурологических категорий.

Научная статья С.К. Рыбакова «Аскетика как маршрутная карта жизненного пути» соответствует всем требованиям, предъявляемым к статьям такого рода, и рекомендуется к публикации.

1. Мишель Фуко. История безумия в классическую эпоху / пер.: И.К. Стаф; [вступ. ст. З. Сокулера, с. 5 – 20]. СПб., Унив. кн.: Рудомино, 1997. 573 с.
2. Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / Предисл. К. Кобрин. М., Новое литературное обозрение, 2005. 540 с. ил.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М., Воскресенье, 1994. Т. 11. С. 161.